

Новикова О. В., Новиков В. Т. Приоритеты человека евразийской культуры: дилемма ценностной и целевой рациональности

Современный человек волею судеб оказался вовлеченным в глобализационный процесс, отношение к которому в обществе неоднозначно. В этой связи для человека, представляющего евразийский цивилизационный регион важно осмыслить роль и значение в современной жизни традиционных ценностей и определиться в выборе жизненной стратегии.

Предваряя анализ, складывающейся для современного человека проблемной ситуации, отметим ее экзистенциальный и характер: речь идет о выборе между жизненными устремлениями, охарактеризованными Э. Фроммом как «иметь» и как «быть». Опираясь на другую классификацию – форм рациональности М.Вебера, можно сказать, что им соответствуют действия разного типа, поскольку целерациональное и ценностно-рациональное действия имеют не только разные мотивы, но и ведут к разным последствиям для человека.

В философии и социологии конца XIX – начала XX в. был разработан ряд вариантов концепции модернизации, в которых в качестве статусных характеристик человека индустриального общества выделяются приоритеты ценностей индивидуализма по отношению к ценностям коллективного образа жизни и целерациональности по отношению к ценностной рациональности. Но к 60–70-м годам XX столетия в обществе Запада утверждается представление о том, что индустриальная цивилизация исчерпала себя, выявив противоречивость научно-технического прогресса и утерю контроля над ним. Стало очевидным, что в нем в результате утверждения в качестве доминирующего целерационального действия, произошла девальвация традиционных, имеющих общечеловеческий характер духовно-нравственных ценностей. Этому способствовало кристаллизации в роли «носителя» ценностей, характерных для идеологии индустриализма «экономического человека», сущность Д.С. Милль, увидел в стремления к богатству в качестве главного приоритета.

В итоге создатели идеологии постиндустриализма отказались от экономикоцентристского взгляда на современное общество, что было обусловлено его близостью с дискредитировавшим себя эконо-

мическим детерминизмом. В концепциях постиндустриального общества в роли субъекта выступил «постэкономический человек», а основным достоянием общества становится коллективный символический капитал. Под ним понимается духовная собственность – моральные ценности и нормы, традиции и обычаи, идеалы и другие феномены коллективной памяти и культуры общества. Особое место в его структуре принадлежит знаниям, информации, информационным технологиям.

Однако функцию капитала эти феномены начинают выполнять только при наличии двух условий. Во-первых, когда они реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть, поскольку здесь артикулируется возникшая в древности и ставшая *idéefix* всей моральной философии мечта об активном влиянии образа жизни человека в прошлом и на качество жизни в настоящем.

Коллективный символический капитал, тем самым, оказывается историческим наследством, требующим бережливости, но, главное, активного использования. Как и любой капитал, он должен «работать» на благо собственника – общества. Тем самым, в интерпретации коллективного символического капитала проступают черты радикального направления концепции постиндустриализма, усматривающего в грядущей цивилизации возвращение к некоторым ценностям, традиционного общества. Во-вторых, функцию капитала знания и информация начинают выполнять лишь в соответствующей «технологической упаковке», то есть, будучи внедренными в производство.

Однако, если элементом коллективного символического капитала являются формы духовного опыта, среди которых особая роль принадлежит социальным мифам, обеспечивающим понимание людьми происходящих в обществе процессов, то не означает ли это, что в индустриальном обществе принижается его значение? Ведь в нем, по словам М. Вебера, происходит «расколдовывание мира», его демистификация и демифологизация, и, утверждается трезвое, прозрачное и расчетливое, основанное на калькуляции сугубо рациональное понимание мира.

Казалось бы, демифологизация общественной жизни – благо для общества, поскольку позволяет индивидам достигать цели кратчайшим путем. Однако современное глобализирующееся общество – это общество, в котором намечается возрождение универсальных и национально-культурных ценностей. В этом смысле коллективный символический капитал, включающий социально-культурные мифологемы, способствует отстаиванию суверенности общностей, с одной стороны перед агрессивным прагматизмом «экономического человека», с другой стороны, перед унифицирующим влиянием на культуру стран Запада.

Что же касается эффектов демифологизации и «расколдовывания» мира, то возникают серьезные сомнения в их пользе для блага общества. Эти сомнения продиктованы историческим опытом человечества, свидетельствующим, что разоблачение социально-культурных мифов, пусть даже с добрыми намерениями просвещения народа, чревато демонтажем картины мира, с помощью которой он ориентируется в нем. Это, в свою очередь, ведет к его социальной дезориентации, к появлению у него ощущения заброшенности, и безнадежности. Более того, поскольку демифологизация картины мира предполагает скепсис по отношению к принятой сообществом системе ценностей, она способна лишить это сообщество коллективной социальной памяти, тем самым, нарушив взаимосвязь традиций и новаций как основы культурно-исторического воспроизводства общества.

Возникает вопрос: неужели адепты идеологии индустриализма, не видели связь процессов демифологизации и «расколдовывания» мира с падением престижа ценностно-рационального действия и, соответственно, девальвацией накопленного всем традиционным сообществом коллективного символического капитала? По нашему мнению, видели, но фиксировали только одну тенденцию происходящих процессов – тенденцию рационализации модернизирующегося общественного сознания, причем сознания ограниченной, хотя и «продвинутой», прагматичной части общества.

Однако существовала и другая тенденция, подмеченная оппонировавшим М. Веберу В. Беньямином, считавшим, что XIX в. – время стабилизации индустриального капитализма, наоборот, «заколдовано» и окутано скрывающими их реальную сущность «снами, мифа-

ми, фантасмагориями». У него модерн рассматривается «не как эпоха освобождения от мифов и прогрессирующей рационализации жизни, а как именно мифологическая, до предела мифологизированная эпоха» [4; с. 345].

Но это означает, что в индустриальном обществе происходит, не демифологизация, а ремифологизация реальности: изменение мифологической формы видения мира в интересах лишь части людей. Эти люди начинают эксплуатировать не только труд большей, части общества, но, используя в качестве прикрытия новые мифологемы, присваивают и используют в собственных интересах общее духовное наследие. Именно такой вывод следует из проведенного В. Беньямином анализа цивилизационной ситуации в Европе XIX века. Поэтому использование символического капитала в интересах всего общества можно рассматривать как восстановление не только социальной справедливости, а шире – как возвращение обществу, а значит каждому отдельному его члену, коллективного богатства. И, следовательно, осознание ценности коллективного символического капитала как достояния всего общества не является чем-то уникальным и характерным только для современной цивилизации.

Таким образом, перспективы существования человека евразийского цивилизационного региона связаны не с превращением его в «экономического человека», для которого личные интересы и достижение жизненного успеха любой ценой является приоритетными. Рассмотренные концепции убеждают, что фундаментом исторического прогресса является развитие не только и не столько информационных, сколько интеллектуальных технологий, напрямую зависящих от возможностей реализации человеческого потенциала.

Литература

1.Ионин, Л. Г. Философия социологии / Л. Г. Ионин // Философия социальных и гуманитарных наук. – М., 2006. – С. 288 –352.